

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СИТУАЦИИ

© 2002 г. Л. Ф. Бурлачук*, Н. Б. Михайлова**

*Доктор психол. наук, член-корр. АПН Украины, зав. кафедрой Киевского университета им. Тараса Шевченко
**Канд. психол. наук, ст. научный сотрудник ИП РАН

Систематизированы положения ситуационного подхода в психологических исследованиях. Содержание современной психологической теории ситуации анализируется на основе исследований трех ведущих реалий: 1) психологических особенностей естественных ситуаций жизни человека во взаимосвязи ситуативных и личностных переменных; 2) субъективной интерпретации ситуаций, их когнитивно-эмоциональных репрезентаций в сознании человека; 3) поведенческих стратегий и других форм активности в рамках конкретных ситуаций. Центральное звено теории составляет объяснение динамики взаимодействия человека с ситуацией, анализ ситуационно обусловленных изменений в психике и поведении человека.

Ключевые слова: ситуация, событие, субъект, субъективная интерпретация ситуации, когнитивно-эмоциональная репрезентация ситуации, динамичность, поведение.

Потребность психологической науки в развитии общей теории на современном этапе очевидна. Теория деятельности А.Н. Леонтьева [19], доминировавшая в российской психологии до 80-х гг., объясняла целый ряд новых феноменов и реализовала принцип деятельностного опосредования в анализе внешней и внутренней активности человека. В последние десятилетия российские психологи обратились к новым методологическим подходам с целью преодоления недостатков и ограничений этой теории.

Б.Ф. Ломов [20] разработал системный подход к изучению психики, который был последовательно развит в работах его учеников. Теоретические идеи С.Л. Рубинштейна [29] получили свое развитие в субъектно-деятельностной концепции К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского [1, 6]. Субъектно-деятельностный подход значительно расширил теоретические возможности объяснения процесса взаимодействия человека с миром, утвердил новые идеи в понимании психологии субъекта и его активности.

Расширение интернациональных научных связей с Западной Европой и Америкой дало мощный приток новой информации для психологической науки в России. Особый интерес теоретиков вызывает современный ситуационный подход в зарубежных психологических исследованиях. В последние годы этот подход широко используют и отечественные ученые: Л. Анцыферова [3], Т. Ушакова [32], В. Дружинин [14] и др. Появился даже первый учебник по психологии жизненных ситуаций [7].

Цель настоящей статьи состоит в систематизации положений ситуационного подхода и анализе

современных направлений его развития. Необходимо сразу сказать, что общепризнанной теории ситуации как в европейской, так и в американской психологии не существует. Ситуационный подход реализуется весьма субъективно, в зависимости от интересов и теоретической ориентации исследователей, но требование последовательного развития теории ситуации все чаще звучит в работах ведущих психологов.

Психологическая теория ситуации предполагает исследование и объяснение трех основных реалий:

1. Психологических особенностей естественных ситуаций жизни человека во взаимосвязи ситуативных и личностных переменных.
2. Субъективной интерпретации ситуаций, их когнитивно-эмоциональных репрезентаций в сознании человека.
3. Поведенческих стратегий и других форм активности в рамках конкретных ситуаций.

Центральное и наиболее сложное звено теории составляет объяснение динамики взаимодействия человека с ситуацией, анализ изменений в психике и поведении человека, происходящих под влиянием изменения ситуации. Сущность ситуационного подхода, по мнению американских психологов Л. Росс и Р. Нисбетт (L. Ross, R. Nisbett), выражает теоретическая триада: ситуационизм, субъективизм, динамизм напряженных систем. Их книга "Человек и ситуация", недавно переведенная на русский язык, представляет теоретические позиции американских коллег [28].

В Германии теорию ситуации разрабатывают психологи, получившие мировое признание:

Х. Томэ (H. Thomae) [65], К. Грауман (K. Graumann) [50], Т. Герман (T. Heppmann) [52], Д. Дернер (D. Dörner) [44], Г. Фиссени (H. Fisseni) [48]. В Голландии ситуативный подход представляет Утрехтская школа [40], в Швеции – Д. Магнуссон (D. Magnusson) [57, 58]. Эти ученые закладывают сейчас фундамент новой теории, построение самого здания остается перспективной задачей.

СИТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В процессе жизни человек переживает бесчисленное множество различных ситуаций, событий, которые могут быть волнующими, яркими или монотонными, обыденными, простыми или сложными, стимулирующими активность или психотравмирующими. Объективные узоры, отпечатывающиеся в психике отдельного человека, часто совершенно уникальны и закрыты для восприятия других людей. В этом смысле психика остается трагически невидимой. Другой не может, а часто и не хочет “это” понять, потому что он “это” не пережил, а рассказ о событии воспринимается им как “чужое”, не “свое”. Проникая в глубины объективных событий жизни отдельных людей, психологи имеют возможность по-новому увидеть проблему психического развития человека, понять его личностный склад. Л. Монтада (L. Montada) в своем учебнике по психологии развития высоко оценивает направление, связанное с исследованием критических жизненных событий, которые он называет экспериментами жизни [59]. По его мнению, следует только приветствовать новые шаги в данной области.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Пионерами, провозгласившими появление ситуационистской традиции в психологии, были не социальные психологи, а бихевиористы, ведомые Дж. Уотсоном (J. Watson) [70]. Суть их позиции сводилась к тому, что “человек” представляет собой попросту сумму ситуативных превратностей, испытанных в прошлом, которые могут быть описаны объективно, что создает основу для точного предсказания и контроля поведения. Однако ситуационизм бихевиористов был связан с их убежденностью в том, что внутренние процессы человеческой психики не могут быть объектом исследования научной психологии. Они настаивали на отходе от исследований, ориентированных на интроспекцию субъективного опыта. Своим стратегическим решением игнорировать субъективный опыт и сосредоточиться только на объективно определяемых фактах бихевиористы породили дилемму, просуществовавшую на протяжении большей части XX столетия: изучение и объяснение поведения человека в объективной

ситуации оказалось невозможным без изучения субъективных интерпретаций этой ситуации.

Обсуждение ситуационизма в социальной психологии начинается с работ К. Левина (K. Lewin) [56], который начал формулировать свои теоретические положения со знакомого всем трюизма о том, что поведение представляет собой функцию личности и ситуации.

Предметом особого интереса Левина была способность ситуационных факторов и социальных манипуляций влиять на поведение, которое традиционно принято считать отражением личностных диспозиций и предпочтений. Основным положением ситуационизма Левина был тезис о том, что социальный контекст пробуждает к жизни мощные силы, стимулирующие или ограничивающие поведение. Он вполне отдавал себе отчет в том, что эти силы зачастую упускаются из виду обыденной психологией и что их обнаружение должно являться главной задачей научной социальной психологии. Не менее важная часть ситуационизма Левина – его интерес к внешне незначительным, но в действительности важным деталям ситуации. Сам он называл их часто “канальными факторами”, поскольку этот термин отсылал к существованию незначительных, но вместе с тем критически важных фасилитирующих влияний или сдерживающих барьеров. Принцип канальных факторов является, по мнению Левина, одним из ключевых для понимания того, почему одни ситуационные факторы обладают большим влиянием, чем можно было бы ожидать, а другие – меньшим.

Вопрос о преимущественной детерминации поведения человека личностными или ситуационными факторами также имеет исторические корни. Начало дискуссии положил В. Мишель (W. Mischel) [60] в 1968 г., усомнившись в достоверности психометрических данных. С тех пор началась печальная эпоха для психодиагностики личности, т.к. слишком много усилий было отдано почти тридцатилетней борьбе между двумя лагерями: “чертистов” и “ситуационистов”. Персонологи утверждали, что в поведении преобладающая роль отводится личностным факторам, и поэтому высказывались в пользу постоянства поведения в различных социальных ситуациях. Ситуационисты полагали, что поведение ситуационно специфично. Сам Мишель утверждал сначала это положение. Впоследствии он пересмотрел свои взгляды в пользу личностно-ситуационного взаимодействия. Возможно, причиной разногласий явилось различие в исследовательских подходах. Персонологи проводили исследования, “вооружась” корреляционным анализом преимущественно лиц, отклоняющихся от среднестатистического испытуемого. Применялись специально разработанные опросники, активно привлекался фактор-

ный анализ. Ситуационисты с помощью экспериментальных методик изучали в основном обычных “средних” испытуемых.

В настоящее время психологи склонны придерживаться модели личностно-ситуационного взаимодействия. Эта интерактивная позиция нуждается в эмпирическом обосновании, т.к. высказываемые суждения во многом почерпнуты из статистических данных, недостаточно глубоко проанализированных с точки зрения психологического смысла корреляций. В наиболее общем виде эта позиция представлена Н. Эндлером и Д. Магнуссоном (N. Endler, D. Magnusson [46]:

1. Поведение является функцией непрерывно-го процесса взаимодействия личности и ситуации.

2. Личность в этом интерактивном процессе выступает в качестве активного, целенаправленного действующего субъекта.

3. Существенными личностными детерминантами поведения являются когнитивные и мотивационные особенности.

4. Существенными ситуационными детерминантами поведения являются психологические значения ситуации.

Изучению социальной и психологической среды обитания человека уделялось во второй половине XX века все большее внимание. Новая отрасль исследования в конце 60-х гг. получила название психологии среды (environmental psychology), или психологической экологии, основателем которой считается Р. Баркер (R. Barker) [38]. Проблемы, рассматривающиеся в психологической экологии, касаются изучения человека в реальной жизни. Среда понимается как комплекс неких условий, внешних сил и стимулов, воздействующих на индивида. Полагается, что растущий интерес к психологии среды должен скорректировать традиционные направления исследований в психологии, сосредоточившие внимание на человеке как едином замкнутом целом.

Непомерно раздутое представление людей о значимости личностных черт и диспозиций при одновременной неспособности признать важность ситуационных факторов при их воздействии на поведение получило название “фундаментальной ошибки атрибуции” [51, 62, 64].

Между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь. Переменные среды следует подвергать анализу в той же мере, что и личностные переменные. В настоящее время в психологических исследованиях возникает тенденция придерживаться принципа “компонентной перспективы”, согласно которому поведение является функцией личности, ситуации и их взаимодействия. Без выяснения того, что стоит за понятием ситуации, невозможно корректно оперировать с понятием не только личности, но и поведения. Расширение круга психологических исследований

привело к необходимости изучения личности в контексте естественных социальных ситуаций, в которых она функционирует. Американские психологи утверждают, что социальное давление и другие ситуационные факторы оказывают на поведение человека более мощное влияние, чем принято обычно считать. Кроме того, чтобы понять характер воздействия отдельно взятой социальной ситуации на конкретного человека, необходимо подчас уделять внимание ее тончайшим нюансам [28].

Частое использование понятий “среда” и “ситуация” в качестве взаимозаменяемых побуждает обратиться к анализу понятия “ситуация”.

ПОНЯТИЕ СИТУАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

В 30-е гг. XX века в американских социологических журналах велись оживленные дискуссии о детерминации социального поведения и роли личности и ситуации в ней. В этих дискуссиях участвовали Г. Оллпорт (G. Allport), С. Квин (S. Quenn), Дж. Рейнхардт (J. Reinhardt), В. Томас (W. Thomas) и др. [7]. К конкретному результату дискуссии не привели, до настоящего времени отсутствует единство в понимании сущности ситуации. Понятием ситуации оперируют интеракционизм, психология социального научения, психология среды и психологическая экология, социо- и психолингвистика, социальная психология, психология обучения и клиническая психология. К понятию ситуации, помимо психологов, обращались философы, теологи, юристы.

Ситуация характеризуется как многослойное и многомерное явление, обсуждение которого нельзя вести в одной теоретической плоскости. О ней говорят, когда экспериментальные результаты не совпадают с гипотезами. Анализ существующих теорий показывают, что ни одна из них не в состоянии выделить четкие критерии для учета общего ситуативного контекста в психологических исследованиях, объективного содержания ситуаций, субъективного отражения этого содержания. Что же касается феноменов взаимодействия человека с ситуацией, т.е. субъект-объектных отношений, то охватить их целостную картину или дать им исчерпывающее психологическое объяснение до сих пор никому не удается.

Постоянно возникает вопрос, имеется ли в психологии такой потенциал, который позволит учесть все значимые составляющие ситуации, не ведет ли это к анализу, безнадежно теряющемуся в бесконечных деталях? Научная теория должна расставлять акценты, исследователи обязаны определить свой объект и при этом отстраниться от других, возможно, тоже важных объектов. Однако по отношению к феномену ситуации такие ограни-

чения могут привести к искажению или полному отрыву от феномена. Психологическая характеристика реальных ситуаций находится сейчас на границе научных и обыденных рассуждений, но, как показывают многочисленные исследования, наука обращается к этой теме достаточно часто. Определения ситуации разрабатываются в плоскости отдельных дисциплин, а теория ситуации приобретает междисциплинарный характер. Используются понятия "ситуация в широком и узком смысле слова", а также понятие "жизненное положение" [65, 68]. Ситуация в широком смысле понимается как общая ситуация жизни человека, аналогичный смысл вкладывается в понятие "жизненное положение". Ситуация в узком смысле связывается с конкретными событиями жизни или экспериментальными моделями ситуаций. Так, например, изучению отношения человека к стрессогенным жизненным событиям (стрессовые ситуации) посвящены многие работы российских и зарубежных психологов.

Таким образом, ситуация может быть определена на разных уровнях, от микро – к макро. Д. Магнуссон предложил пять уровней определения ситуации [58]:

А. Стимулы – отдельные объекты или действия.

В. Эпизоды – особые значимые события, имеющие причину и следствие.

С. Ситуации – физические, временные и психологические параметры, определяемые внешними условиями. Восприятие и интерпретация ситуации придает значение стимулам и эпизодам.

Д. Окружение – обобщающее понятие, характеризующее типы ситуаций.

Е. Среда – совокупность физических и социальных переменных внешнего мира.

При определении ситуации акцент ставится на ее внешнем характере. Ситуация рассматривается как совокупность элементов среды либо как фрагмент среды на определенном этапе жизнедеятельности субъекта. Такое определение ситуации наиболее распространено и предлагается нами как рабочее. Его придерживаются Д. Магнуссон [57], А. Фарнхейм и М. Аргайл [35], В. Мишель [60], Г.В. Балл [37] и др.

Согласно такому определению, структура ситуации включает в себя предметы окружающего мира, действующих лиц, их деятельность, коммуникацию, взаимоотношения, происходящие события, пространственные и временные ограничения.

Ситуация определяется и как система субъективных и объективных элементов, появляющихся в результате активного взаимодействия субъекта и среды. К субъективным элементам относятся межличностные отношения, социально-

психологический климат, групповые нормы, ценности, стереотипы сознания. Понятие ситуации не совпадает с понятием среды, которая может быть внесубъектной, а ситуация всегда включает субъективный аспект, это всегда "чья-то" ситуация.

Сам факт рождения ситуации происходит именно в момент соотнесения данного фрагмента среды с конкретным субъектом посредством придания данному фрагменту особого для субъекта значения. В отечественной психологии с таким пониманием ситуации перекликаются исследования, оперирующие понятием личностного смысла, введенного А.Н. Леонтьевым и понимаемого как оценка жизненного значения для субъекта объективных обстоятельств и его действий в них [19]. В предложенном определении четко выражен такой существенный признак понятия ситуации, как "выделенность" из макромира и "отграниченность" от него. Эта психологически значимая характеристика требует решения вопроса о "границах" ситуации, которые задаются как средой, так и самим человеком. Среда определяет место, время событий, их участников и пр. Границы задаются также через содержание происходящих событий: эмиграция, безработица, конфликт, болезнь и пр. Важнейшую роль в определении границ играет и сам человек, принимая данную ситуацию как "свою", "значимую" для себя и отвергая другие ситуации как "чужие", "незначимые". Психологические феномены, связанные с определением границ ситуации, изучены явно недостаточно и требуют специальных исследований.

Границы ситуации могут быть четкими, явно выраженными и расплывчатыми, размытыми. Ситуации обладают особенностью наслаиваться друг на друга, смешиваться, терять свои очертания. Преобладающее большинство наших испытуемых проявило стремление выделить из потока многочисленных ситуаций именно "свою" и задать ее границы. В самом моменте выделения именно данного фрагмента среды уже переплетаются и объективные, и субъективные факторы, находящиеся в различном весовом соотношении. Границы ситуации постоянно проверяются на прочность, их исследование позволяет судить о таких характеристиках, как стабильность или изменчивость, подводит к пониманию проблемы динамики ситуации.

Существенная содержательная характеристика ситуации представлена в феномене событий, которые могут быть яркими, эмоционально окрашенными, интересными или негативными, трагичными. Некоторые из них являются поворотными в жизни человека. Ситуации различаются по степени насыщенности событиями, психологическое изучение которых проводится с помощью биографического метода.

Событийно-биографический подход начал формироваться в 70-х гг. XX века. Этот подход подчеркивает уникальность жизненного пути каждого человека, а также необходимость превращения психологии развития личности в психологию жизненного пути, основой периодизации которого могут стать конкретные жизненные (биографические) события. В отечественной психологии данные вопросы исследуются в рамках направления, определенного С.Л. Рубинштейном, Б.Г. Ананьевым и др. и известного как “жизненный путь личности” [2, 29]. Сотрудниками ИП РАН разработан подход к изучению личности как субъекту жизненного пути [27].

С.Л. Рубинштейн в 1936 г. дал следующее определение события: в психологии жизненного пути это поворотный этап, когда принимают важные решения на длительный период [29]. В настоящее время вопросами взаимодействия внутреннего содержания личности с внешними условиями занимаются Е.В. Шорохова [33], К.А. Абульханова-Славская [1], Н.В. Логинова [22], В.И. Уварова [31] и др. Событие как элемент жизненного пути служит основной единицей анализа для биографического метода.

В медико-психологических исследованиях событие изучается как жизненное изменение (life change events). Рассматривалось влияние на здоровье одного или двух недавних событий. Так например, люди, менявшие место жительства и/или работу, чаще заболевали ишемической болезнью сердца, чем люди, в жизни которых таких изменений не происходило. Изучение психического переживания событий больными и здоровыми людьми проведено под руководством Л.Ф. Бурлачука [8]. Получены характеристики по следующим параметрам: оценка событий испытуемым (значимость для него тех или иных жизненных событий, их желательность-нежелательность, степень влияния, среднее время антиципации и ретроспекции), а также по содержательным параметрам: тип и вид значимых событий, частота их встречаемости, оригинальность, популярность, сила – слабость и др.

В исследованиях ситуаций безработицы и эмиграции [24, 25] события характеризовались по содержательному признаку социального благополучия – неблагополучия, по виду вызываемых эмоций (положительно – отрицательно переживаемые), а также по такому специфическому параметру, как “очевидность – скрытость” события для окружающих. Значимость данного параметра особо проявилась при анализе событий, связанных с изменением или полным разрушением межличностных отношений в изучаемых ситуациях. Необходимой оказалась и такая характеристика, как “степень известности события” другим людям.

В последние годы зарубежными психологами предпринимались попытки проспективной регистрации **ежедневных событий (daily life events – DLE)**. Использовались интервью о жизненных событиях за каждый месяц, желательных и нежелательных изменений в здоровье, семье, работе и др., заполнялась шкала ежедневных “подъемов” и “препятствий”. Так, в исследовании А. Де Лонгис (De Longis A.) и др. [45] испытуемыми заполнялась шкала главных жизненных событий за предыдущие 2.5 года. Затем в течение 9 месяцев регистрировались ежедневные события с оценкой их количества и интенсивности. Был сделан вывод о том, что “препятствия” больше связаны с состоянием здоровья, чем с главными жизненными событиями, “подъемы” же не влияют на здоровье.

Отдельного обсуждения требует такая характеристика, как “динамичность” события или “бег событий”. Она рассматривается нами ниже в рамках проблемы динамики ситуации.

Анализ событий по названным параметрам задает основания для классификации ситуаций.

КЛАССИФИКАЦИЯ СИТУАЦИЙ

Систематических исследований в этой области еще не проводилось. Исключение составляют психофизические исследования, в которых изучалось влияние физического стимула на сенсорный опыт. В области систематизации жизненных, или социальных ситуаций имеются лишь разрозненные исследования. Для классификации чаще всего используют статистические методы, в основном кластерный и факторный анализы. Нам представляется целесообразным выделить несколько шкал для классификации ситуаций, исходя из их существенных характеристик. Для работы со шкалами следует использовать как субъективные оценки испытуемых, так и оценки экспертов.

I. Шкала ситуаций в континууме “болезнь – здоровье”.

II. Шкала социального благополучия ситуаций, включающая совокупность ситуаций, расположенных между полюсами от ситуаций явно социально неблагополучных, жизненно опасных, до оптимально благополучных, полностью устраивающих человека.

III. Шкала простоты – сложности ситуаций. Характеризуя степень сложности ситуации, определяя ее место на данной шкале, необходимо обязательно соотнести ситуацию с индивидуальными возможностями субъекта. Здесь выделяются ситуации элементарные, называемые “мелочами жизни”; более сложные, связанные с необходимостью решать отдельные вопросы; ситуации про-

блемные и экстремально сложные, требующие от человека мобилизации всех его духовных сил.

IV. Шкала новизны – известности ситуаций. К ней относятся совершенно новые для субъекта ситуации, мало известные, достаточно известные и хорошо знакомые.

V. Шкала значимости – незначимости ситуаций для жизни данного субъекта. На полюсе значимости располагаются ситуации, играющие поворотную роль в жизни субъекта, на полюсе незначимости – те, которые им фактически игнорируются.

VI. Шкала соответствия ситуаций потребности самореализации субъекта. На ее полюсах находятся ситуации оптимально соответствующие целям самореализации субъекта и абсолютно несоответствующие, препятствующие самореализации.

VII. Шкала стабильности – изменчивости ситуаций. По ней выделяются константные ситуации, постоянно сопровождающие жизнь субъекта. Затем следуют ситуации, в которых происходят лишь частичные изменения, не касающиеся их существенных характеристик, и такие, которые могут меняться в корне, отличаются полной нестабильностью.

VIII. Шкала пространственной развертки ситуаций. К ней относятся ситуации, непосредственно влияющие на человека, включенные в данный момент жизни, и находящиеся в разной степени пространственной удаленности, но имеющие для него свою значимость.

IX. Шкала временной развертки ситуаций. Здесь ситуации различают по временному признаку: прошлые, настоящие, будущие.

Предложенные шкалы нуждаются в дальнейшей разработке качественных и количественных критериев. Но уже первые опыты работы с ними показали их продуктивность и реалистичность в анализе социальных ситуаций.

В исследованиях Л. Бурлачука и Е. Коржовой [7, 18] была проведена классификация педагогических ситуаций по функциональным компонентам педагогической деятельности (гностическим, проективно-ролевым, конструктивным, коммуникативным, организаторским).

Анализ современного состояния проблемы классификации ситуаций показывает, что выбор критериев и параметров классификации определяется как психологическими свойствами ситуаций, так и их структурой. Одной из специфических особенностей ситуаций, влияющих на всю структуру, а, следовательно, и на принадлежность к тому или иному классу, является **динамика**. Именно динамика ситуаций как напряженных систем вызывает сейчас особый интерес социальных психологов [28].

ДИНАМИКА СИТУАЦИЙ ИЛИ “ОБЪЕКТИВНЫЙ БЕГ СОБЫТИЙ”

Структура ситуаций характеризуется как стабильными, так и динамическими компонентами, находящимися в различном соотношении. С момента возникновения ситуации в ней происходят непрерывные изменения, которые могут привести к ее стабилизации, долговременному существованию или, наоборот, к полному разрушению и исчезновению. Динамика ситуаций может быть обусловлена внешними факторами (объективное развитие событий) и быть результатом активности самого субъекта, стремящегося подчинить себе ситуацию, изменить ее в соответствии со своими целями и желаниями. Влияние динамики естественной ситуации на психику и соотношение ее с динамикой психической активности субъекта фактически не изучено. Л. Росс и Р. Нисбетт [28] для объяснения ситуативной динамики вводят понятие “напряженная система”. Авторы имеют в виду непрерывное динамическое противоборство противостоящих друг другу сил внутри ситуации. Суть этого противоборства отражена в концепции “квазистационарного равновесия” В. Келера (W. Koehler): некоторые процессы колеблются в границах, заданных определенными сдерживающими и побуждающими силами. Эти уровни могут легко смещаться вверх и вниз в определенных, сравнительно узких пределах, выйти за которые им уже гораздо труднее, а преодолеть более широкие границы – практически невозможно.

Полагается, что изменения в системе могут быть осуществлены двумя разными способами с отличными друг от друга последствиями. Можно добавлять или развивать побуждающие силы (увеличивая напряженность в системе), либо удерживать (ослаблять) сдерживающие силы, препятствующие желаемым изменениям (снижая напряжение). Квазистационарное равновесие с трудом поддается изменению именно по причине баланса противостоящих друг другу сил, которые поддерживают статус-кво (в известном смысле постоянно устанавливают его заново). Вместе с тем внедрение в систему или замена в ней незначительных на первый взгляд сил, не чреватая, как это может показаться, последствиями, выливается иногда в крайне драматические и масштабные изменения. Введенный Л. Росс и Р. Нисбетт [28] принцип напряженных систем помогает понять, почему кажущиеся масштабными манипуляции с ситуациями не дают иногда значительного эффекта, в то время как внешне менее масштабные бывают иногда весьма эффективны. Масштабные манипуляции могут оказаться бессильны перед лицом еще более масштабных сдерживающих факторов, или даже увеличивать силу сопротивления последних. В противоположность этому менее масштабные манипуляции могут использовать

факт ненадежного равновесия либо канальный фактор, вызывая сдвиги в системе скорее посредством изменения направления силовых воздействий, чем посредством грубой силы. Эти положения прекрасно иллюстрируют процессы изменения, а затем и полного распада политической и экономической системы бывшего Советского Союза.

В наших исследованиях в центре внимания также был момент разрушения прежней ситуации жизни человека и возникновение новой, трудной ситуации: эмиграция, безработица. Фактически все испытуемые оказались не готовы к такому “быстрому и негативному” обороту событий. Явление “смены” ситуации представляет особый теоретический интерес для психологии. В теории деятельности А.Н. Леонтьева, например, смена “ведущего вида деятельности” определяет новый период психического развития.

Но исследования показывают, что смена вида деятельности или ситуации жизни в целом могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на психику. Частая смена профессиональной деятельности привела наших испытуемых к разрушению их профготовности и мотивации. Частая смена ситуаций жизни (у эмигрантов) привела к психосоматическим заболеваниям. Процесс разрушения привычной ситуации жизни сопровождался депрессиями, фрустрациями, агрессиями, пассивным или хаотичным поведением. Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что динамика ситуации или ее кардинальное изменение могут оказывать как положительное, так и резко отрицательное влияние на психику человека. Феномены ситуативной динамики могут быть выражены целым рядом понятий: возникновение ситуации, ее стабилизация, частичные изменения, кардинальные изменения, разрушение, исчезновение, смена ситуации и пр.

Решение вопроса о влиянии той или иной ситуации на психику человека требует изучения самого процесса психического отражения ситуации, ее субъективных интерпретаций и когнитивно-эмоциональных репрезентаций в сознании.

Таким образом, психологический анализ ситуации как объекта внешнего воздействия ведет к анализу собственно психологических конструкций этих ситуаций, представленных в сознании субъекта.

КОГНИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИЛИ СУБЪЕКТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИТУАЦИИ

Субъективная представленность картины ситуации в индивидуальном сознании вызывает особый интерес психологов, так как непосредственно относится к предмету психологической науки.

Сама постановка вопроса тут же сталкивает категории “реальное”, “объективное” и “субъективное”, “отраженное”, требует понимания их взаимоотношения. В методологической статье “Проблема объективного метода в психологии” В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили [15, с. 116] обосновывают приложимость категории “реальное” к психическим явлениям, они утверждают, что субъективность “входит в реальность”.

В психологической науке разведение картины мира, присущей субъекту и собственно действительности, наиболее ярко выступает в исследованиях иллюзорного восприятия (псевдокопии зрительного образа, инверсии, фи-движения и пр.) [9, 11, 12, 21, 30] и в исследованиях межличностного восприятия, где пристрастность субъектов восприятия, их индивидуальный опыт и жизненная позиция обуславливают противоречивую множественность образов объекта восприятия и во многом определяют характер межличностного общения [26, с. 39]. Именно в этой области психологического знания возникли представления о жизненном пространстве К. Левина [56], имплицитная теория личности Брунера и Тагиури [5], теория личностных конструктов Дж. Келли [55], представления А.Н. Леонтьева [19] об образе мира как особом пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир.

Возникает проблема исследования и описания этой особой психологической реальности – “картины мира” или “картины ситуации как фрагмента мира”, сотканной, по выражению В.П. Петренко [26], из отдельных лоскутов содержания индивидуального сознания. Для изучения этой субъективной картины Петренко предлагает путь изучения категориальной структуры индивидуального сознания, размещения в ней индивидуальной системы значений. Данный путь является, с нашей точки зрения, безусловно, продуктивным, но не единственным. В научной литературе для определения субъективной представленности ситуации в сознании используется целый ряд близких терминов: конструкт, фрейм, схема, скрипт, модель дискурса, ментальная модель, ментальная карта и пр. В отечественной психологии появляется все больше новых исследований, посвященных данной проблематике [1, 4, 7, 16, 32 и др.].

Обзор зарубежных исследований по проблеме когнитивных репрезентаций ситуации дан немецким психологом Г. Томэ [65]. Его теория, основанная на автобиографическом подходе к изучению личности, ориентирует на изучение совокупности феноменов субъективного отражения ситуаций жизни. Он обращается к анализу когнитивных репрезентаций ситуаций, переживаемых человеком в семье, на работе, во время досуга, в период болезни, в конфликте с друзьями и пр. **Особо выделяется идея о том, что когнитивные**

репрезентации далеко не всегда являются прямым и верным отражением внешней ситуации, поскольку они возникают в конфронтации не только с внешним, но и внутренним миром личности. Форма репрезентаций выражается в понятиях “конструкт”, “схема”, “скрипт”, а также в традиционных понятиях “образ”, “представление”, “переживание”. Для содержательного обобщения различных когнитивных репрезентаций Томэ предлагает понятие “субъективное жизненное пространство”. Оно обозначает всю совокупность когнитивных репрезентаций, актуализируемых человеком в данный момент. Само понятие “репрезентация” включает в себя то, что представляется, и еще “что-то” Лонгман (Longman) [65, с. 83]. Добавление “когнитивная” подчеркивает, что отражение направлено на наибольшее соответствие реальной ситуации. Основную интегративную функцию когнитивных репрезентаций Томэ видит в обеспечении субъективного жизненного пространства человека. Другая их функция состоит в обеспечении поведения в данной ситуации. Когнитивные репрезентации в концепции Томэ занимают место “после восприятия”, но “до поведения”. Психологическая характеристика проводится по ряду параметров: тематическое структурирование репрезентаций; центрация и децентрация содержания; степень дифференцированности содержания; степень абстрактности содержания; представленность субъективных убеждений; выраженность настроений, эмоциональных состояний; наличие субъективных предположений, надежд, опасений.

Кроме того, выделяется несколько общих качественных параметров: положительные – негативные репрезентации; дружелюбные – враждебные; надежные – ненадежные; ясные – смутные, неясные; доверительные – отчужденные и пр.

Главным методическим инструментом для Томэ служит речь человека (устная и письменная). Высказывания испытуемых представляют основной материал для анализа. Способы психологического анализа высказываний разработаны Томэ на обширном автобиографическом материале. Первый шаг – выделение имеющихся в высказывании субъективных оценок и предубеждений, а затем – преобразование их в наиболее нейтральные описания того, как испытуемый воспринимает и осмысливает ситуацию, а также реагирует на нее. Следующий шаг – упорядочивание и организация полученной в высказываниях информации по темам и способам когнитивно-эмоциональной переработки содержания происходящего. Последовательное преобразование психологической информации позволяет получить качественные и количественные данные об исследуемом феномене и подвергнуть их статистической обработке.

Для определения феномена субъективной картины ситуации американские социальные психологи используют понятие “субъективная интерпретация социальной реальности” [28]. Обобщая многочисленные исследования, авторы достаточно убедительно аргументируют свои выводы. Установлено, что субъективная интерпретация событий одним и тем же человеком характеризуется значительной изменчивостью, которая достаточно существенна, чтобы, исходя из факта неустойчивости интерпретаций, заставить ожидать появления заметных различий между поведением этого человека в двух объективно почти идентичных ситуациях.

Более того, наблюдается существенная изменчивость значения, вкладываемого разными людьми в одни и те же понятия. Отсюда следует, что два человека скорее всего будут интерпретировать одну и ту же ситуацию отличающимися друг от друга способами. Весьма значимы для понимания психологической сущности субъективной картины ситуации, с нашей точки зрения, идеи американских коллег о том, что **“огромное число важных феноменов проистекает из изменчивости субъективных интерпретаций, даваемых одним и тем же человеком, а также из различий между интерпретациями, даваемыми разными людьми в одной и той же ситуации”** [28, с. 133].

Недавние события войны в Югославии проявили множество таких феноменов и наглядно проиллюстрировали как изменчивость, так и различия в субъективных интерпретациях одной и той же ситуации политиками разных стран.

Систематически действующие факторы, служащие причиной изменчивости и неустойчивости субъективных интерпретаций, исследовал и обобщил в своих работах С. Эш (S. Asch). Проведенные им исследования феноменов конформности служат прекрасной демонстрацией зависимости субъективных интерпретаций ситуации от мнения группы: человек может публично выражать согласие с чужими взглядами, которые резко расходятся с его собственными [36].

Последние работы Московичи (Moscovici) и его коллег констатируют, что далеко не во всех случаях конформность проявляется именно по отношению к мнению большинства. Взгляды меньшинства обладают влиянием даже тогда, когда это влияние не осознается большинством [61].

В случае, если склонить группу в пользу собственного видения ситуации не представляется возможным и если при этом человек не хочет отмежеваться от группы, то возникает весьма мощная разновидность напряженности, существование которой осознавали многие теоретики 50-х гг., включая Хайдепа (Heider), Ньюкомба (Newcomb) и Фестингера (Festinger). Для обозначения такой напряженности Фестингер ввел термин “когни-

тивный диссонанс”, который он толковал максимально широко: под ним подразумевалась любая напряженность, возникающая во множестве ситуаций, когда различные факторы тянут аттитюды человека в разных направлениях. В случае социального влияния диссонанс возникает между взглядами данного человека и взглядами группы [47]. Социальные психологи постоянно пытаются понять и объяснить механизм и инструменты субъективной интерпретации. Известный социолог У.И. Томас говорил о влиянии уникальной жизненной истории человека на формирование его личностной и социальной реальности [66]. Роль культуры, субкультуры и даже половой принадлежности в формировании интерпретационных различий и возникновении в результате этих различий взаимного непонимания часто становилась объектом внимания не только психологов, а социологов и антропологов [49, 69]. Но наибольший вклад в изучение процесса, в котором воспринимающие субъекты “выходят за пределы имеющейся у них информации” [5], внесли представители когнитивной психологии.

Особое внимание исследователей было привлечено к двум взаимосвязанным аспектам процесса субъективной интерпретации. Первый включает в себя присваивание ярлычков или формирование категорий, т.е. то, что позволяет отнести встретившийся предмет, человека или событие к определенному классу явлений и сформировать на этой основе ожидания в отношении отдельных характеристик или свойств объектов. Второй связан с разрешением двусмысленности, т.е. с заполнением информационных пробелов и возможной реинтерпретацией информации, не согласующейся с присвоенным ярлычком или категорией отнесения.

Современные когнитивисты активно обсуждают проблему разновидностей “структур знания”, лежащих в основе процесса субъективной интерпретации и направляющих его. Особое внимание уделяется при этом структурам, обуславливающим наше знание и понимание не только статичных предметов и их групп (таких, как дома, автомобили, города и пр.), но также и динамических последовательностей событий.

Для обозначения таких динамических структур знания были введены понятия “схема” [39, 63], а несколько позднее – “сценарий” [34, 67]. Стремление людей полагаться на сценарии, схемы и другие структуры знания, помогающие им интерпретировать происходящие события, приводит часто к существенным ошибкам. Такие феномены, как быстрое и легкое понимание ситуации, а также упорное, болезненное непонимание, гарантированная уверенность в своем мнении или склонность становиться объектом манипуляции и позволять вводить себя в заблуждение, рассмат-

риваются психологами как взаимосвязанные следствия использования инструментов, на которые люди полагаются при интерпретации своего социального окружения [28, 42, 53]. Очевидно, что современное состояние зарубежных и отечественных исследований субъективной интерпретации ситуаций отличается множеством единичных, достаточно подробно описанных феноменов, но при этом отсутствует их систематизация и единый теоретический концепт.

Не претендуя на решение этой глобальной проблемы, авторы статьи предлагают для обсуждения некоторые направления теоретического анализа субъективной картины ситуации, используя при этом данные собственных исследований.

В центре внимания находились как единичные, критические, опасные для жизни испытуемых ситуации: болезнь, безработица, эмиграция, развод, так и оценка событий всего жизненного пути [7, 8, 24, 25].

Необходимым условием понимания субъективной интерпретации ситуации является психологическая характеристика воспринимающего субъекта. С помощью стандартизированных методик были получены данные о личностных качествах, интеллектуальном потенциале и речевой компетентности испытуемых. Факт зависимости когнитивной репрезентации ситуации от мотивации, установок, ценностных ориентаций, когнитивных и коммуникативных способностей не вызывает сомнений. Важнейшими биологическими факторами являются общее состояние здоровья, возраст и пол испытуемых.

Названные факторы оказывают существенное влияние на индивидуальные различия в субъективной интерпретации ситуаций.

Для анализа и характеристик различных феноменов субъективной представленности ситуации в сознании человека были выделены следующие параметры:

1. Психические состояния субъекта, предвещающие столкновения с ситуацией: готовность к ситуации, отношение к ней и ее предварительная оценка, ожидания и прогнозирование.
2. Проявления механизмов психологической защиты в интерпретации ситуации.
3. Эмоциональные переживания собственной репрезентации ситуации.
4. Тематическое содержание когнитивных репрезентаций, их иерархия и степень дифференцированности.
5. Ориентированность репрезентаций на интересы самого субъекта, других людей, требования реальной ситуации.
6. Степень стабильности когнитивных репрезентаций.
7. Тенденции динамики.

Для каждого параметра выделялись количественные и качественные показатели, проводилась статистическая обработка данных с помощью кластерного и факторного анализа, определялась статистическая достоверность различий. Субъективные репрезентации ситуаций болезни различной степени тяжести, включая хирургическую операцию) исследовались под руководством Л.Ф. Бурлачука.

Использовалось понятие А.Р. Лурии “внутренней картины болезни” (ВКБ), которое включает разные уровни отражения больным своего состояния. Подробно описывается состояние пред- и постоперационной тревоги. Установлено, что большинство хирургических больных, страдая своего заболевания и предстоящей операции, вместе с тем страдают от тревоги, зависящей прежде всего от личностных качеств больного, бессознательных мотивов, фантазий, а также от способа адаптации. В качестве главного способа адаптации личности к ситуации болезни рассматривается такой защитный механизм, как отрицание. Для него характерно отвержение определенных аспектов внешней действительности, в частности, отрицание, игнорирование болезни. Это выражается, например, в “пропусках мимо ушей” рекомендаций врача. Возможно также распространение отрицания на различные стороны жизни. Исследования показали, что феномен отрицания обладает достаточной устойчивостью и проявляется в различных формах. За несколько дней до операции больной зачастую оставляет свои страхи и натягивает маску оптимизма. Отрицание описывается как сверхоптимистические ожидания, преуменьшающие возможную опасность и преувеличивающие собственные возможности справиться с нею, поиск шансов на помощь со стороны других и пр. Эмоциональные переживания болезни отличаются неустойчивостью, сосредоточенностью на себе. Самооценки здоровья характеризуются нереалистическими ожиданиями улучшения состояния здоровья в будущем. Анализ внутренней картины болезни показал, что тяжелое заболевание способствует снижению адекватности, точности восприятия себя и других, оно становится малодифференцированным, упрощенным. Больные отличаются низкой продуктивностью воспроизведения образов прошлого и будущего, весьма узким кругом значимых переживаний. Для них характерно избегание высоких оценок жизненных событий. Личностное значение болезни определяет всю когнитивную активность больного.

Ситуация болезни может рассматриваться как яркая модель стрессовой ситуации, нередко социальной по своей природе.

Целесообразно проследить специфику проявления выделенных психологических феноменов в

субъективных репрезентациях ситуаций, представляющих собой для человека социальный стресс. В этом направлении были исследованы ситуации безработицы и эмиграции [24, 25].

Анализируя данные о готовности к названным ситуациям и ожидания по отношению к ним, можно утверждать, что люди оказались психологически не готовы к столкновению с критической жизненной ситуацией, хотя и предполагали такую возможность. Более того, их ожидания носили более оптимистичный характер, чем последующая развертка событий. Уже этот начальный этап, “докритической ситуации”, требовал от человека мобилизации всего духовного потенциала. Проблема психологической его подготовки к столкновению с критическими ситуациями, к сожалеению, до сих пор, не нашла своего необходимого практического решения.

Изначальная когнитивная картина новой критической ситуации у большинства испытуемых отличалась хаотичностью, наличием частых воспоминаний (картин) ситуаций недавнего прошлого, стремлением уйти от решения трудных проблем, концентрацией на мелочах повседневности, отвлечениями на непосредственные впечатления. Негативные эмоциональные переживания были связаны с фактом “социальной выброшенности”, “ненужности”, а также с разрушением привычного круга социальных контактов. Постепенно, в течение первых месяцев, когнитивные репрезентации приобретали большую четкость, которую можно определить как первичное осознание проблемы. Активно включался механизм центрации.

Проблема центраций в субъективной картине ситуаций требует особого обсуждения. Центрации играют как положительную, так и отрицательную роль в интерпретации ситуаций. Их положительное значение в том, что они ориентируют человека на “существенное” для него, ограничивают поле внешних воздействий. Но при этом центрации ведут и к ошибкам редукции, к игнорированию так называемых “канальных факторов” ситуации и ее существенных сторон. Так, например, в ситуации безработицы испытуемые центрировались на теме “Где достать деньги?”, а не на теме “Как найти работу?”. В любой из критических ситуаций испытуемые с удовольствием центрировались на теме “Еда и питье”. Смещение тематических центраций в направлении более простых, доступных реализации тем, уход от решения реальной социальной проблемы, т.е. попытка ее отрицания и игнорирования, демонстрируют действие защитных механизмов, аналогичных ситуациям болезни.

При длительной конфронтации с ситуацией (в течение двух лет) субъективные интерпретации существенно изменялись в направлении большей реалистичности, адекватности требованиям ситу-

ации. Отчетливо проявились ориентация на поиск конструктивного решения и расширение репертуара обсуждаемых тем.

Индивидуальные различия в выборе тем, в тематических центрициях, их иерархии и тенденциях динамики подтверждают факт относительной психологической самостоятельности субъективной интерпретации ситуации.

Эта самостоятельность может играть как положительную, так и отрицательную роль во взаимодействии человека с реальностью. Она может уводить от реальности в иллюзорный, фантастический мир, способствовать возникновению болезненных, патологических конструктов, что представляет зачастую прямую жизненную опасность. В то же время, с помощью этого механизма человек находит психологическую защиту от психотравмирующих воздействий среды. Более того, в результате появления новой продуктивной субъективной интерпретации он меняет ситуацию по своему замыслу. Если реальная ситуация демонстрирует свою власть субъекту, то и субъект пользуется правом диктовать свои условия. Он может предложить именно ту интерпретацию, которая его больше устраивает, а, самое главное, убедить в ней окружающих и даже подчинить этой субъективной картине дальнейший ход реальных событий. Субъект, осознавший способность произвольно менять свои трактовки ситуации, значительно выигрывает психологически, получает определенную власть над собственной духовной жизнью и окружающей реальностью.

Процессуальный характер субъективных интерпретаций также имеет свои закономерности, отличные от "объективного бега событий", за которым человек может не успевать бежать, или опережать его, или игнорировать. Изучение влияния динамики ситуации на психику человека и соотношение ее с динамикой психической активности представляет собой актуальную научную проблему. В исследованиях, проведенных под руководством Л.Ф. Бурлачука, с помощью метода "психологической автобиографии" впервые представлены систематические данные о субъективном восприятии "бега событий" на протяжении всего жизненного пути у здоровых и больных испытуемых [17, 18]. Среди здоровых людей были обследованы представители разных профессий (преподаватели, инженерно-технические работники), а среди больных, люди с психосоматическими заболеваниями разной тяжести.

Субъективное восприятие событий оценивалось по следующим параметрам: продуктивность воспроизведения жизненных образов, значимость событий (по "весу"), среднее время ретроспекции и антиципации событий, тип и вид событий и др. Установлено, что восприятие жизненных событий зависит от уровня субъективного

контроля. Здоровые люди с высоким уровнем такого контроля характеризуются высокой продуктивностью воспроизведения образов своей жизни, высокой значимостью событий, связанных с изменением социальной среды (особенно касающихся учебы, повышения квалификации), наличием временной перспективы и пр. Различия по данным параметрам между здоровыми и больными людьми имеют высокий уровень достоверности. Достоверно меньшее количество и "вес" жизненных событий больных характеризуют затруднения в актуализации образов прошлого и будущего, сужение круга значимых переживаний вследствие сосредоточенности на телесных ощущениях. Преобладание среди называемых больными событий неизбежных или маловероятных позволяет констатировать некомпетентность больных во времени, проявляющейся в идеализации будущего и в обедненных событиями восприятии прошлого. Важным дифференциально-диагностическим показателем является среднее время антиципации и ретроспекции событий: констатируется "уход" больных в более дальнее прошлое по сравнению со здоровыми испытуемыми и поиск в нем радостных событий. На первом месте среди всех событий у всех больных испытуемых находятся события, связанные с рождением и воспитанием детей. У здоровых испытуемых по степени значимости первое место также занимают события, связанные с детьми, затем – события в родительской семье, учеба, повышение квалификации, работа.

Представленные данные о восприятии событий на протяжении жизненного пути позволяют выделить положительные и отрицательные характеристики ситуационного компонента внутренней картины жизненного пути.

Положительные: 1. Высокая продуктивность воспроизведения образов своей жизни: широкий круг значимых переживаний, высокий "вес" жизненных событий; высокая значимость событий, связанных с изменениями социальной среды (особенно касающихся учебы, повышения квалификации), и указывающая на эффективность социальной адаптации, предпосылки профессионального роста; 2. Сравнительно невысокая реализованность событий: психическая молодость, наличие временной перспективы; наличие интереса к будущему, признание печали и радости в жизни.

Отрицательные: 1. Низкая продуктивность воспроизведения образов своей жизни: узкий круг значимых переживаний, низкий "вес" жизненных событий; низкая значимость событий, связанных с изменениями социальной среды, и указывающая на возможные затруднения в социальной адаптации и профессиональном росте. 2. Большая реализованность событий: психологическая старость, отсутствие временной перспек-

тивы; потеря интереса к будущему, сосредоточенность на печальных сторонах жизни.

Обобщая данные зарубежных и отечественных исследований, можно заключить, что "субъективное жизненное пространство" человека имеет свое специфическое содержание и функционирует по своим законам. Субъективная картина ситуации и сама ситуация не идентичны. Они имеют как точки совпадения, так и существенные различия. Изучение, описание и теоретическое объяснение этих различий – перспективная задача психологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психол. журн. 1994. № 4. С. 39–55.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
3. Анцыферова Л.А. Психология повседневности: Жизненный мир личности и "техники" ее бытия // Психол. журн. 1993. № 2. С. 3–16.
4. Барабанищikov В.А. Проблемы психологического отражения в трудах Б.Ф. Ломова // Психол. журн. 1994. № 5. С. 5–12.
5. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
6. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
7. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. М., 1998.
8. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Индивидуально-психологические особенности больных сердечно-сосудистыми заболеваниями в процессе их социальной адаптации // Психол. журн. 1992. № 3. С. 112–120.
9. Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия. М., 1975.
10. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.
11. Гибсон Дж. Психологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
12. Грегор Р. Глаз и мозг. М., 1970.
13. Дикая Л.Г., Махнач А.В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы их формирования // Психол. журн. 1996. № 3. С. 137–148.
14. Дружинин В.Н. Ситуационный подход к психологической диагностике способностей // Психол. журн. 1991. № 2. С. 94–104.
15. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.
16. Климов Е.А. Об образе мира у представителей разнотипных профессий // Психологическое обозрение. 1995. № 1. С. 49–54.
17. Коржова Е.Ю. Человек болеющий: Личность и социальная адаптация. С-Петербург, 1994.
18. Коржова Е.Ю. Методика "Психологическая автобиография" в психодиагностике жизненных ситуаций. Киев, 1994.
19. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
20. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
21. Логвиненко А.Д. Зрительное восприятие пространства. М., 1981.
22. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психол. 1985. № 1. С. 103–109.
23. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1972.
24. Михайлова Н.Б. Опыт психологического исследования ситуации безработицы // Психол. журн. 1998. № 6. С. 91–102.
25. Михайлова Н.Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции // Психол. журн. 2000. № 1. С. 26–38.
26. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. МГУ, 1997.
27. Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
28. Л. Росс, Р. Нисбетт. Человек и ситуация. М., 2000.
29. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.
30. Столин В.В. Исследование порождения зрительного пространства образа // Восприятие и деятельность. М., 1976.
31. Уварова В.И. Проблемы классификации ситуаций социалистического образа жизни // Психология личности и образ жизни. М., 1987.
32. Ушакова Т.Н. и др. Слово в действии. С.-Петербург, 2000.
33. Шорохова Е.В. Социально-психологическое понимание личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
34. Abelson R.P. The psychological status of the script concept // American Psychologist. 1981. № 36. P. 715–729.
35. Argyle M., Furham A., Graham J.A. Social situations // Cambridge univ. pr., 1981.
36. Asch S.E. Social psychology. New York, 1952.
37. Ball D.W. The definition of the situation // J. of Theory in Social Behavior. 1972. № 2. P. 61–82.
38. Barker R.G. Ecological psychology. Stanford, 1968.
39. Bartlett F.C. Remembering. Cambridge, 1932.
40. Bowers K.S. Situationism in psychology // Psychological Review. 1973. V. 80. P. 307–336.
41. Burlatchuk L., Mikhailova N. Psychologische Theorie der Situation. Kongress der DPG. 2000. Jena. 42.
42. Cantor N., Kihstorm J.F. Personality and social intelligence. Prentice-Hall, 1987.
43. Caprara G.V. Structures and Processes in Personality Psychology // European Psychologist. 1996. № 1. P. 14–17.
44. Dörner D. Logik des Mißlingens. Strategisches Denken in komplexen Situationen. Rowohlt, 1989.
45. De Longis A. etc. Relationship of daily hassles, uplifts and major life events to health status // Health Psychol. 1982. V. 1.

46. *Endler N., Magnusson D.* Interactional Psychology and Personality. New York, 1976.
47. *Festinger L.* A theory of cognitive dissonance. Stanford, 1957.
48. *Fisseni H.J.* Selbstinterpretation und Selbstregulation des Individuums. Göttingen, 1985.
49. *Forgas J.P.* The persertion of social episodes // J. of Personality and Social Psychology. 1976. V. 33. P. 199–209.
50. *Graumann C.F.* Person und Situation. In: Entwicklung und Persönlichkeit. Berlin, 1975.
51. *Gilbert D.T., Jones E.E.* Perseiver-induced constratints: Interpretationof self-generated reality // J. of Personality and Social Psychology. 1986. V. 50. P. 269–280.
52. *Herrmann T., Grabowski J.* Sprechen. Spektrum, Heidelberg, 1994.
53. *Hamilton D.L. ect.* The formation of stereotypic beliefs // J. of Personality and Social Psychology. 1985. V. 48. P. 5–17.
54. *Jones E.E.* The rocky road from acts to dispositions // American Psychologist. 1979. V. 34. P. 107–117.
55. *Kelly H.H.* The psychology of personal constructs. New York, 1955.
56. *Lewin K.* Field theory in social science. New York, 1951.
57. *Magnusson D.* Persons in situatins // Personality psychology in Europe. London. 1984. V. 1.
58. *Magnusson D.* A psychology of situations. In: Toward a psychology of situations. An interactional perspective. Erlbaum, 1981. P. 9–32.
59. *Montada L.* Entwicklungspsychologie. Ausgabe, 1996. BLTZ, 4.
60. *Mischel W.* Intoduction to Personality. 3rd ed. New York etc., 1984.
61. *Moscovici S. etc.* Studies in social influence: V. Minority influence and conversion behavior in perceptual task // J. of Experimental Social Psychology. 1980. V. 16. P. 270–282.
62. *Nisbett R.E.* Violence and U.S. regional culture // American Psychologist. 1993. V. 48. P. 441–449.
63. *Piaget J.* The child's conception of physical causality. London, 1930.
64. *Hoss L.* Situationist perspectives on the obedience experiments // Contemporary Psychology. 1988. V. 33. P. 101–104.
65. *Thomae H.* Das Individuum und seine Welt, Göttingen, 1996.
66. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. Chicago, 1918.
67. *Schank R., Abelson R.* Scripts, plans, goals, and understanding. Erbaum, 1977.
68. *Schott E.* Psychologie der Situation. Heidelberg, 1991.
69. *Shweder R.* Thinning through cultures. Expeditions in cultural psychology. Cambridge, 1991.
70. *Watson J.* Behaviorism. New York, 1930.

CONCERNING PSYCHOLOGICAL THEORY OF SITUATION

L. F. Burlachuk*, N. B. Mikailova**

*Dr. sci. (psychology), corresponding member of Ukrainian Academy of Pedagogic Sciences,
head of the chair in Kiev University*

***Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., IP RAS*

The principles of situational approach in psychological researches are systemized. The content of contemporary psychological theory of situation is analyzed from three explorative aspects: 1) psychological peculiarities of every-day situations of human life with interrelation of situational and personal variables; 2) subjective interpretation of situations, their cognitive-emotional representations; 3) behavioral strategies and another forms of activity in the context of concrete situations. The main proposition of this theory allows to explain interaction of a man and situation in dynamics and to analyze situation-related changes in mind and behavior of a man.

Key words: situation, event, subject of activity, subjective interpretation of situation, cognitive-emotional representation of situation, dynamics, behavior.